

Учитесь глупости человеческих отношений

Культура. — 1998. — 26 марта — 1 апр. — С. 12
Анатолий Адоскин о времени и о себе

Актер и литератор, педагог и режиссер Анатолий АДОСКИН — из тех представителей театрального мира, которые ценят служение искусству больше, чем собственное благополучие.

— Анатолий Михайлович, что вы думаете о юбилеях вообще и о 75-летию Театра имени Моссовета, в частности?

— Я стесняюсь любой публичности. Я в этом смысле выродок, но ничего не могу с собой поделать. Не люблю рассказывать о себе, не люблю слушать, когда мои коллеги со сцены или экрана травят байки про свою личную жизнь. И не люблю подобных праздников, потому что они всегда не слишком правдивы.

Вот мы всем театром дожили до юбилея. Дата заставляет, хотим мы этого или нет, понять что-то важное про самих себя. И от этого куда не деться. Надо оглянуться, хотя делать это всегда очень страшно, и часто бывает, что и не на что. Это мучительно трудно, потому что все и в жизни, и в театре непросто...

— Ваши отношения с Театром имени Моссовета складывались довольно драматично?

— Пожалуй. Я уходил из театра в поисках чего-то лучшего, работал в других коллективах, на телевидении, потом снова вернулся, поверженный, и был, наверное, похож на блудного сына с полотна Рембрандта. Но Юрий Александрович Завадский простил меня и принял обратно.

В Театре имени Моссовета я оказался рано, лет в пятнадцать. Пришел сюда в 1943 году и стал очень ценным кадром, так как мальчиков совсем не было: шла война. Я подделал документы, добавив себе год, и был принят в драматическую студию. В то время труппа театра была великолепная — Астангов, Оленин, Названов, Мордвинов, Марецкая. Они играли роли, а мы производили шум за сценой — били в барабаны, колотушки. Я и Анатолий Эфрос были заняты в шумах в "Чайке". Это значит, что мы с ним в сцене, когда на озере шло объяснение в любви Нины и Тригорина, сидели на корточках за огромным бутафорским кустом и по сигналу лампочки делали "фр-р-р", изображая стайку взлетевших птиц. С Эфросом мы познакомились в драмкружке и таким вот образом влились в Театр имени Моссовета. Постепенно мы оба вошли в театральную жизнь и стали играть маленькие роли у Завадского, руководившего театром в ту далекую пору. Это незабываемое...

— О Завадском сегодня не так часто вспоминают. Кто-то считает его не слишком сильным режиссером, кто-то до сих пор осуждает за творческие уступ-

ки, за репертуарную политику, крепко связанную с существовавшим режимом. Как вы, будучи молодым человеком, воспринимали Юрия Александровича?

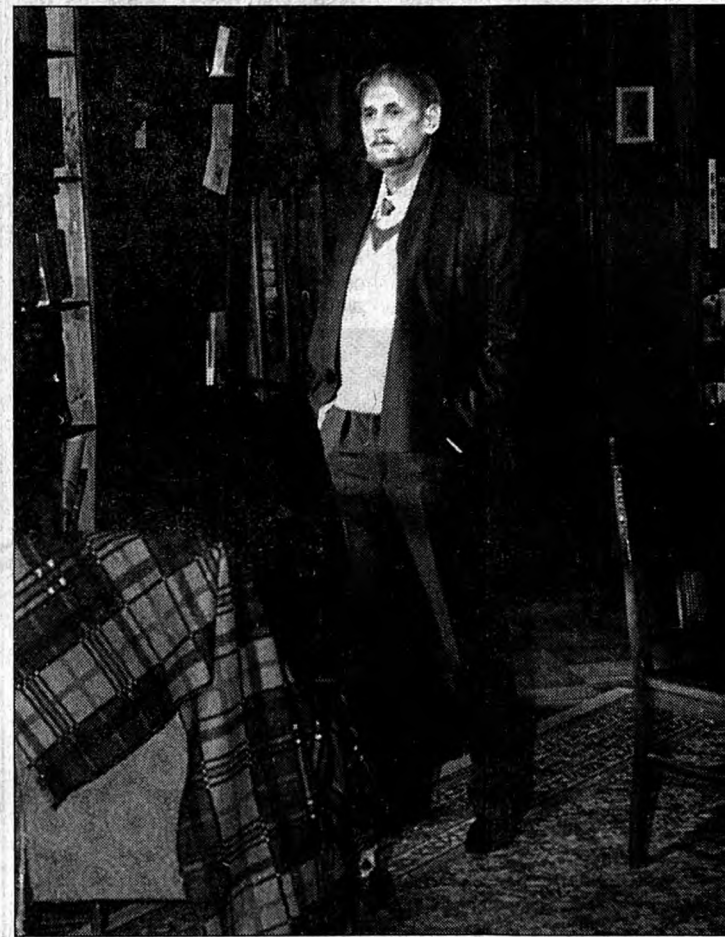
— Личность Завадского удивительна. Можно по-разному относиться к его творчеству, особенно в последние годы, но индивидуальность была уникальной. Он нес с собой культуру, великую, уходящую, к которой нам удалось приблизиться. Но с уходом великих стариков, среди которых он был самым мощным, что-то оборвалось в нашем театре. Я немного с ним работал... Был максималистом. Я безумно осуждал его и театр за то, что на сцене идут бездарные пьесы просоветской эпохи, в один момент не смог этого вынести и ушел из театра. Конечно, я тогда не понимал, что старики таким образом держат театр, что они все равно гениально играют, этим отстаивают право на постановки Лермонтова и Ибсена. Они страдали, но делали свое дело. А Юрий Александрович многих просто спасал от тюрьмы и лагерей, особенно во времена космополитизма. Он давал им работу, отстаивал их, хотя это было непросто и опасно. Только потом я понял, поработав и в "Современнике", и в "Ленкоме", что Театр имени Моссовета отличается особой атмосфера теплоты, доброты и настоящей интеллигентности. Я работал в "Современнике" в его лучшую пору и пришел к

мысли, что, кроме стремления к профессиональной высоте, кроме дела, которому ты служишь, должна быть еще и человеческая общность. Тем более что наши победы часто бывают мнимыми. Ведь никто с уверенностью не может ответить на вопрос, что важнее — искусство или жизнь.

Вспоминая бывший Театр имени Моссовета, можно ему поклониться. И мои успехи не в том, что я сыграл, а в том, с кем я встречался и был дружен. Сейчас я сижу в примерной Фаины Георгиевны Раневской, часто вспоминаю ее и благодарен за то, что она сформировала меня, научила относиться к жизни, как к великому дару.

— Театр имени Моссовета пережил влияние разных направлений и стилей. Как вам кажется, он менялся или ломался?

— С моей точки зрения, Завадского сильно поломало время. Он великолепно чувствовал гротеск, будучи вахтанговцем, любил внешнюю яркость, остроту, любил грим, костюм. Но тогда Юрий Александрович не мог ставить так, как хотел. Я застал сталинский стиль — помпезный, мертвый, ходильный, который был изжит и уничтожен молодыми Эфросом и Ефремовым, был сметен другим эстетическим потоком, который в борьбе со старыми формами как бы изгнал из театра все театральное. Я любил участвовать в спектаклях по пьесам Лопе де Вега, Гоцци, Шекспира, любил приду-

Сцена из спектакля "Московское гнездо". Манцев — А. Адоскин

мывать новый грим, носить красочные костюмы. Любил меняться до неузнаваемости, надевал "толщину" (теперь никто не знает, что это такое), охотно фехтовал, танцевал, прыгал и прочее. Мы играли по сорок спектаклей в месяц, и, когда кончался сезон, я был на грани нервного истощения. Сейчас театр похож на дом отдыха. В этом сезоне мы репетировали Шеридана, и я видел, с каким трудом возвращается к нам театральность во всех ее аспектах. Как трудно она пробивается через "неореализм", заложенный в молодом и среднем поколении. Они с трудом улавливают остроту стиля, боятся проявления внешней характеристики, боятся костюма, грима, необычных жестов, голосовых возможностей. Они очень хотят оставаться самими собой, а может быть, уже и не умеют быть другими.

— Вы всегда были плотно заняты в репертуаре и тем не менее находили время заниматься литературными композициями на телевидении.

— Я испытывал и испытываю потребность в поэзии. В любой форме. Любовь к звучащему слову мне привила удивительная женщина — Елизавета Яковлевна Эфрон, сестра мужа Цветаевой. Она вела у нас в студии художественное слово, познакомила меня с Дмитрием Николаевичем Журавлевым, водила в гости к вдове Бальмонта. Я увлекся поэзией и сделал свои композиции

по Пушкину, Чаадаеву, Кюхельбекеру, поняв, что мы часто слишком многое привносим от себя, а не раскрываем образ, сочиненный поэтом. Умение прислушаться к слову, никак его не раскрывать было заложено именно в этих беседах с Эфрон и Журавлевым. Так работать я постарался в спектакле нашего театра "Желтый ангел", который поставил молодой Андрей Житинкин.

— Сегодня вы преподаете в Школе-студии МХАТ. Что вам кажется главным в отношениях с молодым поколением, ведь кто-то из них, может быть, придет в Театр имени Моссовета?

— Я очень устаю оттого, что они смотрят на меня с каким-то пиететом. Это меня угнетает и настораживает. Мне самому в юности внушили слишком много идеального, может быть, поэтому я не считаю, что моя судьба сложилась удачно. Все мы, даже самые знаменитые, считаем себя неудачниками. Мне обидно, что они не относятся к театру с уважением, позволяют себе опаздывать, заниматься какими-то посторонними делами. А я, в свою очередь, не могу делать им замечаний, не могу себе этого позволить! Смогу ли я научить их ремеслу, если они сами этого не захотят? Вряд ли... Мне же хотелось бы научить их "глупости человеческих отношений", счастьем общения друг с другом.

Беседу вела
Жанна ФИЛАТОВА